

Увидев перед собой вскопанный участок земли, малыш-женьшень так обрадовался, что свернулся в клубок и начал кататься по нему. Прокатившись один раз, Линь Сян заметил, что на земле появилось несколько маленьких красных ягод, которые лишь мелькнули и мгновенно исчезли в почве.

Да Хэй, лежащий неподалеку, хвостом легонько хлопнул по пухлому малышу, который все еще катался, и сказал Линь Сяну:

— Женьшень любит тень. Этот пухлячок уже помог тебе посеять семена, и, скорее всего, он сам будет за ними ухаживать. Построй навес, зачерпни воды из пруда в нефритовой табличке и полей землю. Через некоторое время сможешь собрать женьшень. На этот раз выращенный женьшень будет обладать большей духовной силой, чем предыдущие, и это пойдет на пользу тому Ли.

— Значит, больше не нужно покупать редьку?

— Малыш-женьшень уже посеял семена, зачем тебе редька?! Неужели хочешь всю жизнь выращивать редьку вместо женьшеня?

— Ну, не то чтобы.

Проблема с женьшенем была решена, и Линь Сян временно перестал беспокоиться о деньгах. В последний раз, когда звонили из дома, он узнал, что здоровье отца немного улучшилось. Тот уже смог встать с постели и хотел выписаться из больницы, но мать рассердилась, и он согласился остаться на лечение. Линь Сян вздохнул, встал и отряхнул руки от земли. Если бы не предупреждение Да Хэя о том, что выращенный им женьшень нельзя просто так давать обычным людям, так как они могут не выдержать его духовной силы и погибнуть, он бы с радостью отправил несколько корней домой, чтобы отец мог использовать их для приготовления лечебной настойки.

Построив навес, Линь Сян поднял с земли перепачканного в грязи малыша-женьшеня и вместе с Да Хэем вошел в нефритовую табличку. Рыба Хэнгун, как всегда, встретила его, виляя хвостом, а Инчжао держался вдали. Линь Сян закрыл глаза, очистил разум, и его духовная сила начала циркулировать в соответствии с его дыханием.

Ночь становилась все глубже, и лунный свет изредка пробивался сквозь оконное стекло, падая на треногий круглый котел, стоящий у окна. Иероглифы на поверхности котла словно ожили, испуская мягкое свечение. Из горловины котла поднялся тонкий красный туман, и по мере его сгущения два других котла тоже отреагировали. Три котла начали взаимодействовать друг с другом, их свечение становилось все ярче, постепенно сплетаясь в сеть, напоминающую иероглиф «колодец». Края сети расширялись, медленно охватывая всю комнату. Затем из центра сети вырвались четыре ярких луча, мгновенно вонзившись в четыре угла комнаты, словно клинья, вбитые в стены. Свет сети постепенно ослабел и исчез, а туман из горловины котла тоже рассеялся.

Ветер, проникший через неплотно закрытое окно, разнес тишину по комнате. Все было спокойно, словно ничего не произошло.

Погода постепенно становилась прохладнее, и после нескольких дней дождей одежда начала покрываться плесенью. Наконец, дожди прекратились, и Линь Сян поспешил вынести заплесневевшую одежду во двор, чтобы просушить. Он также достал несколько зимних курток, которые пока не понадобятся, но все же решил их проветрить. Да Хэй посмеялся над Линь Сяном, считая это лишним, ведь, вступив на Путь совершенствования, он даже зимой мог бы

ходить в майке и не чувствовать холода. Однако Линь Сян покачал головой, взял Да Хэя на руки и сказал серьезно:

— Божественный Владыка, ты ведь спустился на землю, чтобы пройти испытание, верно? Значит, ты должен соблюдать земные правила. Люди склонны следовать за толпой. Если кто-то узнает, что я могу не есть и не умирать от голода, меня рано или поздно схватят для исследований. Это то же самое, что и твоя способность говорить. Понял?

Да Хэй наклонил голову, соглашаясь с его словами.

— Линь Сян, ты дома?

— Да, Сестра Ван, что случилось?

Линь Сян, держа Да Хэя, обернулся. Сестра Ван уже вошла во двор, неся в руках корзину с несколькими золотистыми апельсинами.

— Я вырастила их у себя в саду, это натуральные продукты. Попробуй, не обессудь.

— Как же я могу отказаться? Спасибо, Сестра Ван.

Линь Сян не стал отказываться и взял несколько апельсинов. Сестра Ван, улыбаясь, похлопала его по плечу, хваля за воспитанность и приятный характер. Линь Сян вспотел от смущения. Хотя он уже говорил Сестре Ван свой возраст, он выглядел совсем не на двадцать три года, и, видимо, она все еще считала его ровесником своего сына, который учится в старшей школе.

Увидев, что во дворе сушится одежда, Сестра Ван посетовала на погоду, которая все время дождливая, и не только одежда, но и одеяла покрываются плесенью. Она также посоветовала Линь Сяну обратить внимание на углы в доме, так как в такую погоду стены тоже могут покрыться плесенью, и это трудно устранить, поэтому лучше заранее принять меры.

Линь Сян кивнул и проводил Сестру Ван. Подбрасывая апельсин в руке, он улыбнулся Да Хэю:

— Вот видишь, Божественный Владыка, теперь понял? В мире людей нужно следовать их правилам. Мы не отшельники, а простые люди.

С этими словами он очистил апельсин, отломил дольку и положил в рот. Он был не таким сладким, как купленные в магазине, но кисло-сладкий вкус был более освежающим. Однако, съев всего одну дольку, Линь Сян почувствовал, как в желудке началось урчание. Он вздохнул, разделил оставшийся апельсин пополам: одну часть отдал Да Хэю, другую — малышу-женшенью. Хлопнув в ладоши, Линь Сян решил воспользоваться хорошей погодой и вынести одеяло на просушку.

Да Хэй, играя с половиной апельсина, прищурился. Он не мог понять Линь Сяна. Вначале он считал его немного жадным и глуповатым парнем, с толстой кожей и острым языком, но в целом хорошим человеком, поэтому и дал ему возможность получить Тысячелетний нефритовый мозг. Однако, узнавая его лучше, Да Хэй понял, что Линь Сян не так глуп, как казалось, и иногда говорил разумные вещи, хоть и раздражающие, но без явных изъянов.

— Да Хэй, о чем думаешь?

Линь Сян, неся одеяло, вышел во двор и увидел, что Да Хэй все еще играет с половиной апельсина.

— Если не будешь есть, отдай малышу-женьшеню, не порть еду. Подвинься, я хочу повесить одеяло.

Да Хэй прищурился, рассматривая Линь Сяна. Неужели этот парень настолько хитрый, что даже он сам обманулся? Да Хэй не хотел в это верить.

— На что смотришь? Подвинься, а то наступлю на хвост, и не видать тебе рыбы сегодня вечером! — Линь Сян, говоря это, перепрыгнул через Да Хэя, который лежал прямо под веревками для сушки белья.

Цыц! Это же все тот же глупый парень. Да Хэй подумал, что, наверное, просто перегрелся на солнце. Взяв в зубы половину апельсина, он вернулся в дом. Линь Сян крикнул ему вслед:

— Прежде чем зайти, вытри лапы, я только что помыл пол!

Да Хэй, обернувшись, мяукнул, намеренно оставив несколько следов лап на полу, прежде чем запрыгнуть на стул с подушкой и устроиться там. Малыш-женьшень, неведомо когда подошедший, сидел у ножки стула, обхватив половину апельсина и облизываясь от сока.

На втором этаже, в спальне, из треногого круглого котла у окна снова начал подниматься туман. Иероглифы на его поверхности внезапно выстрелили белым светом, который превратился в острую стрелу и направился к какому-то углу за воротами.

Линь Сян, ничего не замечая, продолжал возиться с одеялом. Да Хэй же внезапно поднял голову и посмотрел в сторону ворот. Малыш-женьшень, отложив наполовину съеденный апельсин, увидел, что Да Хэй снова лег, и не придал этому значения.

За воротами Сюйхао, испуганный внезапной белой стрелой, едва успел увернуться, но его красный халат был пробит. Этот трусливый злой дух, потрогав дыру в халате, увидел, что вторая световая стрела уже летит в его сторону, и, недолго думая, решил сбежать.

Все, что происходило за воротами, казалось, никак не повлияло на человека и кота внутри. Да Хэй, не торопясь, доел апельсин, нашел его вкусным и прыгнул на стол за еще одним. Линь Сян, войдя в дом, сел рядом и увидел, что апельсин перед Да Хэем был весь исцарапан, но котик все еще не мог его очистить. Улыбнувшись, Линь Сян почесал Да Хэя под подбородком, взял апельсин, очистил его и протянул коту.

— Да Хэй, когда Сюйхао снова появится? Я хочу поставить дома статую Чжун Куя для защиты.

— Пока не нужно.

— Не нужно? Ты же говорил, что этот злой дух не успокоится, пока не доведет меня до слез.

<http://bllate.org/book/16777/1542403>